

А.В. КУБАСОВ

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1.09(Кржижановский)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ДИСКУРС СМЕРТИ В РАССКАЗЕ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО «ДЫМЧАТЫЙ БОКАЛ»

Аннотация: В статье раскрывается экзистенциальный характер понимания и представления судьбы человека, обусловленный эсхатологическим сознанием автора на примере рассказа «Дымчатый бокал» Сигизмунда Кржижановского (1887-1950). Вводится понятие художественного предиката, с помощью библейского интерпретационного кода раскрывается проблематика рассказа, анализируется антиномичность жанровой формы, сочетающей в себе черты притчи и новеллы.

Ключевые слова: дискурс смерти, С.Д. Кржижановский, эсхатологическое сознание автора.

Дискурс смерти – один из структурообразующих в творчестве С.Д. Кржижановского. Он лежит в основе многих ранних и поздних произведений писателя. Если в раннем рассказе «Жан-Мари-Филибер-Блез-Луи де Ку» (1927) смерть можно было трактовать в свете теоретических постулатов экспрессионизма, полагавшего, что «смерть – лишь залог жизни и необходима для того, чтоб начать все сызнова – от нового человеческого "я", от новой невинности и новой бессознательности»¹, то в анализируемом далее рассказе представлена гораздо более трагическая концепция жизни и смерти. Письмо Кржижановского отличается необычайно высокая степень смысловой концентрированности. Поэтому продуктивен монографический анализ отдельных его произведений с помощью методики «медленного чтения». Мы выбрали для анализа один из самых элегантных рассказов Кржижановского – «Дымчатый бокал» (1939). Он входит в цикл «Неукушенный локоть». Вот полный текст рассказа.

Дымчатый бокал

— Может, вам угодно посмотреть коллекцию старинных монет? Нумизматы хвалили. Или...

— Вы хотите, чтобы я купил у вас деньги, давно потерявшие способность покупать? Лучше...

¹ Гюбнер Ф.М. Экспрессионизм в Германии // Экспрессионизм. Сб. статей. Пг. – М.: ГИЗ, 1923. С. 63.

— Тогда посмотрите мою коллекцию миниатюр. Если вы возьмете лупу...

— Скажите, а что это за бокал, вон там — слева, на полке?

— Угодно взглянуть? Сию минуту.

Антиквар, сдвинув черную шапочку с лысины на лоб, приставил к полке лесенку — и бокал, мерца дымчатым стеклом, стал своей круглой прямой ножкой поверх прилавка.

— Странно: он как будто не пуст. Что в нем?

— Вино. Как пристало бокалу. Тысячелетней выдержки. Рекомендую. Пыль мы снимем вот этой ложечкой работы венецианского Мурано.

Посетитель антикварной лавки приподнял бокал за тонкую ножку, держа его меж окном и глазом: за дымчатым стеклом была темная дымчатая влага с легким рубиновым отсветом.

Покупатель приблизил бокал к губам и тронул несколько капель. Дымчатая поверхность вина осталась сонной и неподвижной. Во рту терпкий — как укол сотни игл — вкус.

— Похож на укусы змеи, — сказал покупатель и отодвинул бокал, — кстати, мне говорили, у вас есть подбор джайновских статуэток. Я хотел бы... но странно — мой глоток не понизил уровня в этом вот вашем бокале.

Губы антиквара виновато раздвинулись, обнажая золотые пломбы:

— Видите ли, бывают, пусть в сказках, не только неразменные червонцы, но и невыпиваемые бокалы.

— Странно.

— О, слову «странно» не грозит безработица в нашем мире.

— И вы продаете этот бокал?

— Если в хорошие руки: может быть.

— Сколько вы хотите?

Антиквар выдернул из-за уха карандаш и написал на прилавке.

— Это моему кошельку не по силам.

— Хорошо. Я перечеркну ноль справа. Главное: в хорошие руки. Разрешите завернуть?

— Пожалуйста.

Покупатель вышел из лавки. В правой руке он держал бокал, обернутый в бумагу. Мимо него прошел человек с глазами, заплатанными дымчатыми стеклами консервов. Кто-то задел локтем о локоть: на бумаге у донца бокала проступили темно-красные пятна. «Пролил», — подумал человек и пошел вдоль стен домов, оберегая покупку от толчков.

Однако, когда он пришел домой и развернул хрусталь, бокал был по-прежнему полон до краев, хотя по круглой ножке его и скользили расплеснутые капли.

Человек, ставший собственником невыпиваемого бокала, не сразу приступил к испытанию своей покупки. День скользил по откосу вниз. Солнце падало в закат. Вскоре сумеречный воздух стал под цвет тонконогому стеклу. Человек взял молчаливый бокал в пальцы правой руки и приблизил его к губам. Терпкое вино ожгло губы. И отодвинутый бокал стоял снова — полный до краев, прижимаясь рубиновой влагой к верхней золотой каемке стекла.

Первые дни одноногий гость, вшагнувший своей круглой стеклянной пяткой в жизнь любителя раритетов, вел себя скромно и почти добродушно. Отдавая глотки, он тотчас же аккуратно задерживался винной влагой по самый золоченый краешек своего стекла. Он умел быть разнообразным: один глоток давал чувство пряной неги, другой — ядовитыми иглами вкалывался в язык, третий — опутывал мозг в дымчато-алую паутину. Бокал стал вскоре для человека, приобретшего его, чем-то вроде вкусовой лампы. При свете его кровавящихся капель человек читал и перечитывал свои книги, делал наброски в тетрадах. Опорожненный почти до дна, бокал тотчас же наполнялся по золотой край, снова предлагая себя губам. Человек стал пить... Он запрокидывал бокалу прозрачную пятку раз за разом. В мозгу плясали рдяные капли. Мысли ударялись друг о друга, рассыпая огненной пылью искр. Опорожненная влага восходила вновь, как восходит солнце, казалось бы, наповал убитое закатом и погребенное ночью. Человек пил при свете дня, при свете луны и в тьме безлуны. Стекло цокало о зубы: «Еще и еще!»

Однажды человек, засыпая, опрокинул бокал. Наутро, проснувшись, он увидел всю комнату залитой темно-красной жидкостью. Жидкость, дыша терпким винным дыханием, подступала к свесившемуся краю одеяла. Посреди комнаты, тычась о ножки стола, плавал ночной туфель. Снизу, из соседской квартиры, пришли узнать, в чем дело: сквозь потолок проступали какие-то непонятные красные пятна. Человек, засунув руку по локоть, с трудом отыскал виноточащий бокал. Он поставил бокал, облепленный винной сукровицей, на стол, и тотчас же вверх, к золотому ободку вспрыгнула темно-красная влага. Человек выпил залпом и стал приводить комнату в порядок.

Иногда дымчатые грани бокала — особенно после десятка-другого прикосновений к ним — казались владельцу его стеклистым дымком, поднимающимся от костра. Иной раз в золотом ободке, обегаящем край стеклянной вгиби, мнилась какая-то смеющаяся золотыми пломбами подлая улыбка.

Однажды — это было в ясный солнечный день, когда внутрь красных капель впрыгивали рдяные искры,— человек, запрокидывая бокал, случайно заметил, что у дна его какой-то зигзаг, сочетание знаков, пожалуй, букв. Но проступь знаков тотчас же задернулась новым наплывом вина, подступившего к самому верху бокала. Человек опять опорожнил бокал, стараясь схватить глазом убегающие буквы. Но темно-красная жидкость вновь задернулась раньше, чем он успел выхватить смысл надписи. Помнилась только первая альфовидная буква — и смутное ощущение десяти или одиннадцати знаков, следовавших за ней.

«Еще раз»,— подумал человек и снова быстро выпил бокал. Где-то из середины — тонкой мачтой с реей поперек — взметнулось,— и через мгновение слово затонуло в вине, как корабль, давший пробоину. Человек еще раз поднял бокал к губам. Он пил медленно, с усилием. Слово, шевеля одиннадцатью буквами, вплывало в глаза, но их задернуло мутью, и человек не мог понять, что он видит.

С этого дня началась игра глаза с бокалом. Шансы были явно неравными. От двух-трех толчков алкоголя мозг задерживало в дымчатый туман. Человек, ставший собственником непрочитанной надписи, редко когда переступал теперь порог своего дома. На подоконниках его окон на палец narосло пыли.

Занавеси не разжимали своих желтых век. Владелец дымчатого бокала редко расставался со своим стеклянным гостем. Лишь раз или два его видели идущим вдоль набережной; пуговицы пальто были встегнуты криво, не в свои петли; он шел, не замечая поклонов, не слыша окликов.

* * *

В лавку антиквара вошел сутулый, с серой щетиной на щеках человек. К нему любезно пододвинулся стул, но вошедший продолжал стоять.

— Чем могу служить?

— Есть ли у вас дубликат того, дымчатого?

— Яснее.

— Дымчатого бокала. Я ближе к нищете, чем к бедности. Но вы тогда, помните, зачеркнули ноль. И если...

— Виноват, я вижу вас в первый раз. Тут, через площадь, другой антикварный магазин. Наверно...

— Нет. Та же шапочка и... Улыбнитесь!

— То есть?

— Без «то есть». Ну, вот: те же золотые пломбы, тот же лисий оскал. Ошибки нет. Притом же, когда я его бросил, невыпываемый бокал, в реку, с моста Святого Стефана, самая река... но это меж четырех ушей, иначе... Вот.

Посетитель сунул руку в пальто и вынул бутылочку. Повернул ей прилегающую пробку:

— Вот. На другой же день я спустился к реке и взял пробу. Вот эту. Оказывается, у него, у дымчатого, хватило силы окрасить воду Дуная, всего Дуная (каково?) в кровависто-красноватый цвет. Кстати, у нее стал чуть терпкий вкус. Не верите? Глотните. Не хочешь? Так я заставлю тебя...

Только прилавок разделял двоих. Но зазвучал наддверный звонок, и в магазин вошел третий. На нем была аккуратно пригнанная шцмановская форма.

— А-а, — радостно протянул антиквар, щедро распахивая золотой рот, — вы по поводу налога? Охотно-охотно... Ну, а вы, — повернулся он к посетителю, все еще державшему в руках пробку, — вам через площадь! «Antiquité» — черным по желтому. Ошиблись дверью.

Посетитель, хмурия брови, спрятал бутылочку, предварительно аккуратно затиснув ее горло пробкой, потом спросил:

— И много их, этих... дверей? (*То есть вариантов судьбы - А.К.*)

Антиквар поднял плечи. Шцман только брови.

Посетитель шагнул за порог.

* * *

Дня через два знакомый нам хозяин антикварной лавки, просматривая газетную хронику, наткнулся на строку: «Вчера с моста Св. Стефана бросился в...»

Наддверный колокольчик оборвал чтение².

² Кржижановский С.Д. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. – СПб. :«Симпозиум», 2003. С. 115-120. Далее ссылки на это издание даются в основном тексте с указанием тома и страницы.

Рассказ назван «Дымчатый бокал», хотя поначалу кажется, что уместнее было бы другое словосочетание, несколько раз встречающееся в тексте и концентрирующее в себе интригу рассказа – «невыпиваемый бокал». Заглавиям Кржижановский придавал огромное значение, посвятив им специальную работу – «Поэтика заглавий» (1931). Одна из продуктивных заголовочных моделей у Кржижановского строится на основе связки «определение плюс определяемое»: «Серый фетр», «Желтый уголь», «Неукушенный локоть». Такого рода заглавия вроде бы относятся к «беспредикатным полузаглавиям» (4, 15). Однако так ли они беспредикатны? Думается, следует различать предикативность грамматическую и предикативность художественную. Они не тождественны друг другу. Если художественный субъект – нечто «данное», известное по жизни, то *художественный предикат* – «новое», составляющее художественную суть и соль произведения. Это то, что привносится в эстетический опыт читателя. С этой точки зрения, в заглавиях типа «Дымчатый бокал» художественный предикат есть. Он выражен эпитетом, который содержит в свернутом виде ядро сюжета. Действительно, только в ходе повествования раскрывается значимость вынесенных в заглавие слов «желтый», «серый», «дымчатый», «неукушенный». В них воплощено активное смыслообразующее начало.

Кржижановский начинал как поэт и писал стихи на протяжении длительного времени. Поэт и прозаик, он прекрасно понимал значимость рифмы. Есть она и в его прозаических произведениях. Функция «прозаической рифмы» заключается не в связке созвучных финалей стихов, а в смысловых переключках с чужими текстами (интертекстуальные связи), а также в «рассредоточенных дистанцированных повторах» внутри самого текста, то есть в подтексте³. Что же «рифмует» прозаик? Обычно реалии, проблемные ситуации, детали и шире – свои тексты с чужими. «Дымчатый бокал» зарифмован с целым корпусом отечественных и зарубежных классических произведений. Несомненна переключка рассказа с «Портретом» Гоголя. В обоих случаях сюжетообразующее ядро связано с вещью, которая оказывается судьбоносной для ее обладателя.

Ко времени написания рассказа за плечами автора «Дымчатого бокала» был опыт по транспонированию «Евгения Онегина» в сценический вариант для Камерного театра Александра Таирова. Можно не сомневаться в том, что Кржижановский знал гениальный роман Пушкина до тонкостей. Представляется, что анализируемый текст рассказа связан с известнейшими пушкинскими строками: «И даль свободного романа / Я сквозь *магический кристалл* / Еще неясно различал». Бокал,

³ Сильман Т.И. Подтекст – это глубина текста // Вопросы литературы. 1969. № 1. С. 94.

приобретенный героем рассказа, являет собой некий субститут «магического кристалла» или «хрустального шара». Сквозь дымчатое стекло бокала автор и герой пытаются разглядеть нечто сущностное для себя. Герой видит только то, что может увидеть обычный человек: «Посетитель антикварной лавки приподнял бокал за тонкую ножку, держа его меж окном и глазом: за дымчатым стеклом была темная дымчатая влага с легким рубиновым отсветом». Авторскому взору представляется не столько предмет как таковой, сколько потенциальный сюжет, воплощенный в нём.

Несомненна в рассказе и традиция, идущая от романтизма, где бокал и семантически синонимичные ему кубок, фиал, чаша играли роль символа жизни. Самыми же существенными в новелле являются библейские аллюзии. Их мы рассмотрим отдельно.

Для Кржижановского характерно стремление к преодолению статики литературного текста. Писатель изобретает изощренно-изысканные средства для его динамизации. Одним из них является принцип качелей. Текст скользит, как бы раскачиваясь, между разными полюсами – жанровыми, стилевыми, сюжетными. Одну полюсную пару можно охарактеризовать с помощью выражения из новеллы Кржижановского «Мешок голиарда» – «между церковью и балаганом». От церкви идет сакральное начало, от балагана – кощунственное, переворачивающее сакральное с ног на голову.

В ранних произведениях Кржижановский зачастую проговаривает то, что позже уйдет в подпочву его зрелых произведений, будет растворено в них. Так, в ранней статье «Арго и Ерго» сказано: «Искусству союза религия: стоит на Семи тайнах» (5, 505). Итак, искусство, как и религия, есть таинство. Поэтому художественные реалии у Кржижановского обладают качествами символических религиозных предметов. Приглядимся к центральному образу рассказа – «дымчатому бокалу».

Кржижановский обычно сосредоточивается на предметах, которые являются метонимическим замещением инобытия. «Дымчатый бокал», как и «серый фетр» в одноимённом рассказе, выполняют функцию лиминальную, являясь своего рода порогом между мирами физическим и метафизическим, через который можно прикоснуться к инобытию и даже попытаться вступить в борьбу с ним. По сути, это попытка побороть свою судьбу, оспорить Божий промысел. Поэтому обычный исход такого неравного поединка – смерть субъекта.

Выражение «невыпиваемый бокал» не только окказионально, но и аллюзивно. Ассоциативный потенциал его, думается, связан с церковным выражением «неупиваемая чаша». Так называется один из типов Богородичной иконы. Перед ней молятся, в частности, о помощи тем, кто страдает алкоголизмом. От иконы логика ведет нас, с одной

стороны, к биографическому автору, а с другой – к образу чаши как сакральному символу. Символика его связана с идеей *судьбы* (моление Христа в Гефсиманском саду о том, чтобы его миновала чаша сия). Рассказ Кржижановского можно трактовать как художественное размышление писателя над экзистенциальной проблемой судьбы человека вообще и своей в частности. Два момента важны в ней. Первый актуализируется в самом начале рассказа. «Дымчатый бокал» изначально вовсе не предлагался посетителю магазина. Антиквар обращает его внимание на коллекцию монет, а затем миниатюр. Но человек не захотел быть пассивным объектом чужого воления, брать то, что само шло ему в руки. Он обращает свой взор на случайный предмет, совершая акт свободного выбора не только вещи, но вместе с ней и своей судьбы. Второй момент связан с традиционным архаичным представлением о том, что от своей судьбы не уйдешь. Рассказ Кржижановского датируется 1939 годом. К этому времени писатель перешагнул через рубеж своего пятидесятилетия. Не забудем и о широкой волне репрессий, захлестнувшей в 30-е годы страну, наглядно показавшей, насколько прихотливой может быть судьба человека в тоталитарном государстве, а главное – хрупкой, как бокал.

Одна из заметных особенностей анализируемого рассказа – отсутствие в нём именованного героя. Антиквар и шуцман определены в социально-профессиональном плане. О главном герое почти ничего нельзя сказать. Он – просто человек. Всё сказанное придает рассказу характер притчи. Ср. с библейским зачином: «...у некоторого человека было два сына, и сказал младший из них отцу...» (Лк.15, 11-12). Притча носит характер иллюстрации морально-этической тезы. Если попытаться вычленив смысл этой тезы, то он, вероятно, сведется к известному выражению *In vino veritas*. Это кошунство, выступающее как свойство антитетического жанрового двойника притчи. Кржижановский материализует идиому, претендующую на истинность, верифицирует притчевую мораль с помощью парадокса. Истина буквально обнаруживается на дне «невывиаемого бокала» в виде таинственной надписи, которая так и не прочитана героем. Здесь таится самая суть рассказа.

Ключевая загадка «Дымчатого бокала» воплощена в слове, скрытом на дне его и состоящем из десяти или одиннадцати знаков-букв, следующих после «альфовидной буквы». В рассказе нет ответов на два вопроса: на каком языке сделана надпись и что она обозначает? Самым простым будет предположение, что это русская буква «а», хотя в тексте и есть указание на то, что бокал побывал в Венеции. Отталкиваясь от библейских коннотаций, содержащихся в рассказе, мы пришли к выводу, что скрываемое на дне бокала слово – «*Апокалипсис*». Оно состоит из 11 букв. Другое название завершающего библейского текста – «*Откровение* святого Иоанна Богослова». Первое слово заглавия

содержит искомые десять букв. Доказательством верности выдвинутого положения является абсолютная синонимия двух библеизмов, а также важное авторское указание на число букв в слове. Разгаданная загадка объясняет притчевую интенцию автора и библейские аллюзии в рассказе. Автор выступает как скрытый апокалиптик. Эсхатологичность его сознания раскрывается не только с помощью потаенной надписи, но и эксплицитно, через цветовую динамику в рассказе. Если дымчатый цвет бокала дан в статике, то цвет его содержимого градуирован и передается в климаксе. Сам Кржижановский писал о «Евгении Онегине»: «Эпитеты к слову лорнет, семь раз меняющиеся на протяжении романа, могут дать схему всей истории Онегина» (4, 422). Перифразируя писателя, можно сказать, что эпитеты к слову «вино» дают схему интриги и проблематики «Дымчатого бокала». Первоначально цвет не содержит дополнительной коннотации – «за дымчатым стеклом была темная дымчатая влага с легким рубиновым отсветом». Однако уже вскоре цвет проявляет тенденцию к экспансии. Он как будто переплёскивается из бокала и начинает постепенно окрашивать всё вокруг. Сначала краснеет обёрточная бумага – «на бумаге у донца бокала проступили темно-красные пятна». Потом содержимое бокала вползает в мозг человека и поработает его («опутывал мозг в дымчато-алую паутину»; «в мозгу плясали рдяные капли»). Заполнив человека до краев, цвет начинает определять мировидение человека: «Наутро, проснувшись, он увидел всю комнату залитой темно-красной жидкостью». Чем шире экспансия «рубиновой влаги» в окружающий мир, тем активнее происходит кощунственно-сакральное «пресуществление» вина в «кровяющиеся капли»: «Он поставил бокал, облепленный виной сукровицей, на стол, и тотчас же вверх, к золотому ободку вспрыгнула темно-красная влага». Последний член цветовой парадигмы – «кровянисто-красноватый цвет» Дуная, являющийся результатом того, что человек выбросил «невывиаемый бокал» в реку. В итоге кровавое начало подчинило себе собственно цветное. Акцент в выражении «кровянисто-красный» возникает за счет нарушения узуса: вместо привычного «крово-красный» употреблен индивидуально-авторский окказионализм. В Дунае течет не столько вода и вино, сколько кровь. Материализуется и буквализуется идиоматическое выражение – «реки крови». Интерпретационным кодом этого мотива служит имплицитно заданный «Апокалипсис», в котором неоднократно говорится о воздаянии людям за их грехи через кровь: «Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и всё одушевленное умерло в море. Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь» (Откр. 16, 3-4. См. также: 8, 8; 11, 6; 14, 9-10). Так возникает сложный художественный мир рассказа, соз-

датель которого в пространстве мировой истории размышляет о современной действительности и возможном будущем.